

Царев Михаил
(к 100-летию со дня рождения)

17.12.03

Культура - 2003-
н-17 дек. - с. 11

Царь или не царь?

К 100-летию со дня рождения Михаила Царева

Заглавное прозвище – Царь, но без тени иронии или, не дай Бог, насмешки. Действительно царь – правитель. Не часто, но в русском театре такие личности были: А.И.Южин, Вл.И.Немирович-Данченко – творцы и строители.

Он ли сам или время выбрало для него сложнейшую, с элементами трагедии жизнь и судьбу.

В памяти потомков он остался противоречивой фигурой. Нынешнее время поощряет тех, кто неодобрительно относится к его общественной работе, да и актерской деятельности.

Мог спокойно прожить благополучную жизнь артиста – сначала героя-любовника, а потом благородного отца. Природа дала ему для этого все: красивую внешность, бархатистый голос, его не портило чуть заметное косоглазие. Воспитанник Ю.Юрева, он наследовал школу Александрины, где его и увидел ненавистник традиций и сокрушитель канонов Вс.Мейерхольда и позвал к себе. И на какие роли! Чайский в "Горе от ума", Арман Дюerval в "Даме с камелиями". Последняя стала просто легендой. На фотографиях – красивый человек в красивых позах, но и сквозь статику чувствуется, что мог обворожить кого угодно, что мужское достоинство сочеталось в нем с нежностью. Его партнершей была Зинаида Райх.

...Он сам и другие запомнили его публичное выступление против Мейерхольда.

Много позже, когда Царев был уже и народным Союза, и директором Малого, и председателем ВТО, и президентом Национального центра Международного института театра, он говорил мне о том, что хочет написать о Зинаиде Райх. Обстановка располагала к неспешным разговорам. Я был с ним в Индии на конгрессе Института театра (помогал писать доклад). Душными вечерами, начисто лишенными русской прохлады, выпив, он терял прилипшую к нему маску деятеля и становился разговорчивым, живым, смешливым и добрым. Предлагая ему литературную помощь, я хотел выяснить, что же так волновало его при упоминании имени Райх. Он не раскрывался, но было понятно, что некрасивая роль в судьбе Мейерхольда тяготила его. Может быть, и трагическую гибель Зинаиды Райх он в какой-то мере брал на свою совесть. Почему-то эти разговоры вспоминались на спектакле "Перед заходом солнца", где он с сердечным пониманием играл человека, в личную судьбу которого вмешиваются история и независящие от его воли обстоятельства. В чеховском Иванове он как будто анализировал способность героя (но и свою) выдержать сопротивление окружающей среды.

Правда, что ли, жизнь питает искусство?

Ведь и в Вожаке из "Оптимистической трагедии", мощном создании поздних актерских лет, был отголосок его собственной жизни. Ему самому приходилось решать судьбы сотен людей.

Его Чайского, сыгранного в Малом театре, поругивали – было красиво, нет настоящего молодого темперамента, уж очень героичен. Тут незадача его актерской судь-

бы: поздние роли – все на подбор высокие удачи, а роли типа Чайского удивлялись не очень. Расхождение внешних и внутренних актерских данных. По артистической натуре – характерный, комик, по внешности – герой, на это амплуа его и тянули, да и сам был не прочь изображать красивых и смешливых. Актерское тщеславие этим тешится. Как актиста впервые увидел его и на всю жизнь запомнил в спектакле "Рюи Блаз". Его дон Сезар де Базан, спасаясь от кого-то, вываливался из камни и жадно ел курицу. Был смешон, но благороден и отважен. Романтическая роль, детский идеал человека, который никому не дано осуществить, но актист был явно счастлив, что мог представить его на сцене. В реальной жизни ему часто приходилось подавлять в себе веселые порывы и прятать непосредственность. Кроме сценических, у него была еще любимая роль театрального политического деятеля.

Мало кому в советские годы она удавалась так блестательно, хотя и требовала подчас обуздывать личные порывы и желания, стоила нервов и не всегда получала лицеприятную оценку коллег. Он любил и Малый театр, и свою должность директора в нем. Историки дадут объективный и подробный анализ его директорства, но и тогда, и сейчас ясно, что достоинства Малого театра он не уронил, высочайший актерский уровень удержал, хотя театральным людям без объяснений понятно, что сохранять трудовую гармонию в группе безмерно талантливых, но в той же мере колючих самолюбий куда как непросто. Тут в равной и большой мере нужен был незаурядный дар дипломата, воля диктатора, расчетливость хозяина и интуиция художника. В наличии этого ему никто и никогда не отказывал.

Много лет он возглавлял Всероссийское театральное общество, принял этот пост после легендар-

ной А.А.Яблочкиной. Царев сердечно любил людей театра, понимал, что при всей разрозненности они составляют общность, почти касту, которой надо помогать. ВТО стало при нем авторитетной, влиятельной организацией, помогавшей актерскому братству и творчески, и материально. Сам много работавший в провинциальных театрах, он знал нужды артистов, знал их ранимую гордость и унизительную зависимость. На одном из съездов (или совещаний) он сказал, что "путь из Керчи в Вологду" – это благородный и славный путь. И вызвал аплодисменты благодарных коллег.

Ему очень удавались роли сильных, непреклонных людей. В советском репертуаре он таких перенял множество, правда, всегда смягшая роль юмором, где это было возможно, или легкой иронией. Это свойство, кстати, делало приемлемыми спектакли по пьесам советских, часто не лучших авторов, которых Малый театр ставил множество. Театр, его режиссура не без воздействия Царева выработали свой особый стиль сценической подачи этого драматургического материала: вашу неправду сыграем как бы понарошку, слегка театрализуем, а где есть истинна, там будем серьезны.

В зрелые годы его сильно ввлекла высокая драма, трагедия. Свойственная ему жажда анализа своего внутреннего мира, которая приоткрывалась лишь самым близким людям, ибо он привык быть закрытым человеком, могла выразиться только высоким слогом трагедии. Некоторые наблюдатели слышали язвительные ноты драмы даже в его Фамусове в комедии Грибоедова.

Неизменно большое внимание привлекали его Макбет, Арбенин, Маттиас Клаузен, Ростанев, Веррина ("Заговор Фиеско в Генуе"). В советские годы Малый театр не знал безоговорочного зрительского и критического (последнего в особенности) признания. Он скалисто высился оплотом традиций, гор-

дился этим, на этом стоял. Вокруг бушевали новаторы, отчеканивались иные стили, находилась и утверждалась иная художественная правда. Малый театр и его многолетний директор, корифей труппы, стояли на своем: новаторство дозировано, традиция, читай – русский сценический реализм вечен, как и особый московский строй речи, подчеркнуто четкая дикция – звук Малого театра.

Царев любил читать стихи, по-своему читал Пушкина и Есенина. Манера чтения довольно быстро устаревает, послушайте даже самых великих, резанут высеченность, старомодная распевность. Манера Царева не устарела. Это можно сказать и о многих его актерских созданиях.

Роль короля Лира вобрала многие мотивы и приемы его искусства. Прежде всего его волновала тема власти, ее силы и слабости, моральной ответственности и долга. Он увидел своего короля и его жизнь в очень сложных ракурсах. Герой и раскаивался в своем поступке – король не должен отдавать власть, к хорошему страну это не приводит; – но был и благодарен себе за роковое решение, ибо ему открылась настоящая правда о людях. Актриса жалел героя, приглушило звуки даже сентиментальные ноты, чего практически никогда не было в актерской палитре Царева. Однако и в этой роли он не изменил своему пристрастию к романтизму, если понимать под этим словом увлечение человеком сильным, самостоятельным в помыслах и поступках. Язвенный в роли Лира был и тема искупления совершенной когда-то ошибки.

В истории российского театра Михаил Иванович Царев останется фигурой, едва ли не классически воплотившей все высокие и многие неприглядные приметы эпохи. Он был ее идеальным знаком.

Юрий РЫБАКОВ
Фото ИТАР-ТАСС

М.Царев в роли Фамусова в спектакле "Горе от ума"